

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ РУССКОЙ ИДЕЕ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД

© 2013 г. Владимир Валерьевич Кочетков¹

Краткая аннотация: в данной статье автор анализирует три известные попытки сконструировать национальную русскую идею. Все они были сходны в одном: в них не получили выражения базовые русские ценности – воля и правда. По мнению автора, только на основе конституционализма с его признанием за каждым гражданином человеческого достоинства и права на частную и публичную автономию возможна выработка новой национальной идеи в России, которая освободит творческий потенциал русского народа.

Annotation: in this article the author analyzes three famous attempts to construct a Russian national idea. All of them had one similarity: they had not received the expression of the basic Russian values, i.e. volya and pravda. According to the author, only on the basis of constitutionalism, with its recognition of human dignity and right to private and public autonomy of every citizen is possible to develop a new national idea in Russia, which will release the creative potential of the Russian people.

Ключевые слова: национальная русская идея, конституционализм, воля, правда, частная и публичная автономия, человеческое достоинство.

Key words: Russian national idea, constitutionalism, volya, pravda, private and public autonomy, human dignity.

Наблюдая со стороны современную дискуссию о национальной русской идее, невольно приходит на ум известная мысль о том, что всякое явление случается в истории дважды: сначала в виде трагедии, потом – в виде фарса. Если следовать пониманию русской идеи, предложенной И.А. Ильиным, как совокупности понятий, выражающих историческое своеобразие и особое призвание русского народа, то можно с уверенностью сказать, что в тысячелетней российской истории было три серьезные попытки сконструировать и реализовать концепцию “русской национальной идеи”². Первая известна своим лозунгом “Москва – Третий Рим”, была выдвинута в XVI в. Вторая – доктрина “официальной народности”, сформулированная в XIX в. Третья – Россия как первая социалистическая держава – реализовывалась уже в XX в. Все они, как известно, при последовательной своей реализации приводили к соответствующим геополитическим и социальным катастрофам.

Попытаемся, во-первых, выявить некоторые архетипические черты уже реализованных концепций русской национальной идеи, а также

причины их неудач и, во-вторых, показать, что только конституционализм как определенная философско-юридическая доктрина может стать необходимым основанием для рационализации базовых русских ценностей, и поэтому она должна рассматриваться как фундамент национальной русской идеи.

Исторически первая концепция национальной русской идеи сопровождала становление русского государства еще до эпохи модерна. Начиная с середины XV в., московские князья все более настойчиво стали именоваться самодержцами (от греч. “*autokrates*” – суверен) и царями (адаптация лат. “*Caesar*”), что и получило формальное закрепление в 1547 г. Ранее эти титулы использовались исключительно в отношении хана Золотой Орды и императора Священной Римской империи. Само их принятие уже предполагало всемирную миссию русского правителя. В течение последующего века правители стали претендовать на имперские полномочия на том основании, что они являлись единственными православными суверенами и, по существу, единственными подлинными христианскими правителями в мире. Русский народ спланивался идеей противостояния враждебному окружению, и в силу этого самодержец наделялся не ограниченной никакими (ни божественными, ни естественными) законами властью. Уже Ивану III принадлежит формула: “Государь не обязывается перед подданными крестным целованием”³.

¹ Ведущий научный сотрудник Института прав человека при Российском государственном социальном университете, кандидат философских наук (E-mail: vovov69@mail.ru).

² Сразу оговоримся, что мы будем иметь дело не с рафинированными и оторванными от действительности теориями некоторых русских мыслителей, а с теми концепциями, которые спланивали российские элиты на определенном историческом этапе и приводили к определенным действиям по их реализации.

³ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. М., 2004. С. 118.

Подданные русского царя в буквальном смысле слова были его рабами, с которыми он волен был обращаться по своему усмотрению. У них не было прав, только обязанности.

Русское духовенство решительно поддерживало эти притязания, так как по православной доктрине церковь не могла существовать без императора. Поэтому не случайно то, что первая национальная русская идея была сформулирована в среде православного духовенства в ходе полемики между “нестяжателями” (яркие представители этого направления мысли – Нил Сорский и Максим Грек) и Иосифом Волоцким и его последователями. Именно среди иосифлян и появился лозунг “*Святой Руси*”, которая почему-то находится в опасности и при этом легко может быть развращена под любым иностранным, в том числе и греческим, влиянием⁴. Показательно, что иосифляне отвергали всякую логику и аргументацию. Так, один из них, монах Филофей, автор знаменитого тезиса “*Москва есть Третий Рим*”, прямо предостерегал русских людей от излишнего “мудрствования”⁵. В результате “все классы нации, от высших до низших, исключая рабов, были прикреплены к государственной службе”⁶.

Как известно, последовательная реализация этой первой русской национальной идеи привела к испытаниям Опричнины, затем Смутного времени, когда под вопросом стояла судьба русского этноса, как такового, а также к полной экономической и технической отсталости России к концу XVII в. и в результате – к петровским реформам, проводимым авторитарным способом. В ходе последних самодержавие создало себе новую институциональную и социальную базу в виде чиновничества (как правило, рекрутируемого из служилых дворян) и купцов–“предпринимателей”, которые полностью зависели от потребностей казны и произвола царских бюрократов. При этом надо понимать, что для огромного большинства русских дворян того времени политика как некий институциональный способ реализации группового интереса не имела никакого значения, так как их материальные интересы защищались властью, и поэтому они были согласны оставить политику в покое. Особенно это стало очевидным

после выхода Манифеста о вольности дворянства 1762 г., который гарантировал крепостное право дворян на землю и крестьян, а также освободил их от обязательной государственной службы. С этого момента русское дворянство как социальная сила стал утрачивать свои позиции и авторитет, а на первый план вышли бюрократы-государственники.

Поэтому не случайно то, что *вторая русская национальная идея* была сформулирована в среде чиновников. Современник точно описал дух той эпохи: “В правительственных сферах этого времени преобладали воспитанные в духе старых порядков люди, которые никак не могли привыкнуть к тому, чтобы в обществе совершалось какое бы то ни было умственное движение, самостоятельное, независимое и не имеющее ни малейшего официального характера. Они привыкли к тому, что все производилось мало того, что с разрешения начальства, но и самим начальством, и даже предприниматель, если он до того времени нигде не служил, делался чиновником на поприще самого исполнения своего предприятия”⁷.

Другим важным фактором появления новой русской национальной идеи было то, что она возникла как ответ на иностранные “деструктивные” идеи, которые, по мнению императора Николая I, лежали в основе мятежа декабристов. С.С. Уваров, министр просвещения и главный идеолог николаевского правления, выдвинул доктрину “*официальной народности*”, суть которой резюмировалась в триаде: *православие, самодержавие, народность*⁸. Он писал: “Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе... надлежало укрепить Отечество на твердых основаниях, на коих зиждутся благоденствие, сила и жизнь народная... Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный Отечеству, не согласится на утрату православия.... Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия. Наряду с сими двумя национальными началами находится и третье, не менее важное, не менее сильное: *народность*”⁹.

⁴ См.: Послание Филофея, игумена Елизаровской пустыни, к Государю великому Василию Ивановичу всея Руси. Цит. по: *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 26.

⁵ См.: *Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI века. М., 1947. С. 175.

⁶ *Вернадский В.Г.* Монголы и Русь. М., 2004. С. 345.

⁷ *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863 гг.). СПб., 1892. С. 41.

⁸ Представляется, что эта триада сознательно была сформулирована как ответ на лозунг Великой французской революции “свобода, равенство, братство”.

⁹ *Уваров С.С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843 // *Уваров С.С.* Избр. труды. М., 2010. С. 347, 348.

Как и в случае идеи *“Москва – Третий Рим”*, никаких глубоких обоснований *“официальной народности”* в работах идеологов того времени мы не найдем. Есть и другое сходство: *“русскость”* и *“народность”* тесно связываются на онтологическом уровне с православной конфессиональностью и самодержавием (авторитаризмом власти)¹⁰. Иначе говоря, обе концепции предполагают, что конкретные явления русской жизни оказываются вполне в гегелевском духе проявлением определенных инвариантных идей русского бытия, которые эксплицируются исключительно правительственными чиновниками *ex officio*. Данные идеи стали не только идеологическим фасадом русской власти и обоснованием внешней политики, но и критерием патриотизма для русского общества.

Отличия же состояли в том, что доктрина *“официальной народности”* внедрялась с помощью множества бюрократических (через систему образования) и полицейских (цензура, преследование инакомыслия) мер. На первый взгляд, власти как будто преуспели в этом: Россия избежала революционных потрясений, поразивших Европу в 1830–1840-х гг. Это укрепило сторонников данной концепции в вере в особый русский путь. Жесткость власти, не дававшей сформироваться гражданскому обществу, была спутана со стабильным развитием нации, основанным на доверии народа к элите и солидарности гражданского общества.

Не будет преувеличением сказать, что доктрина *“официальной народности”* определяла деятельность русской царской власти вплоть до её краха в 1917 г., который ознаменовался распадом Российской Империи. Далее судьба России и ее многонационального народа на долгие 70 лет оказалась в руках сторонников разрушения всех старых общественных и политических институтов и построения нового, справедливого общества согласно канонам коммунистической идеологии.

Что же получилось в этом случае? Где-то до середины 50-х годов XX в. над умами советской элиты господствовала идея *всемирной революции*, и русский народ в этой связи рассматривался од-

новременно и как кочегар, и как горючий материал этого глобального пожара. Однако с появлением оружия массового уничтожения стало очевидно, что в огне мировой революции могут сгинуть и идеологи данного процесса. Тогда был выдвинут тезис о *“возможности мирного сосуществования социализма и капитализма”*. И поскольку война стала невозможной, постольку появилась необходимость обосновать те лишения в виде бытовой и материальной неустроенности, в виде политических репрессий и т.п., которые вынуждены были претерпевать советские граждане в ожидании всемирного торжества идей коммунизма.

Для этой цели из интеллектуальных запасников вновь была вытащена, правда, уже в обрамлении коммунистической идеологии, идея об особой роли Советского Союза (России) в мире. Только теперь миссия нашей страны состояла в том, чтобы быть оплотом мировой социалистической системы, построить под руководством коммунистической партии впервые в истории коммунизм, а значит, и стать маяком для остального *“незрелого”* человечества. И за это счастье быть первым в Космосе, в строительстве коммунизма, в области балета и в других сферах конкуренции с вечно загнивающим Западом¹¹ советский человек должен был заплатить высокую цену – отказаться от права на какую-либо частную и публичную автономию. Банкротство Советского Союза и коммунистической партии в 1991 г. подвело черту и под этой очередной национальной идеей.

Таким образом, отвечая на наш первый вопрос, поставленный в начале данной работы, можно сказать, что три самые известные попытки конструирования национальной русской идеи имели следующие архетипические черты. *Во-первых*, все они пытались осуществить предикацию достоинства личности через служение внешним для нее интересам. *Во-вторых*, право на частную и публичную автономию приносилось в жертву интересам тотальности народа, оформленного в государство. *В-третьих*, интересы тотальности (народа) и государства отождествлялись на онтологическом уровне с интересами элиты и способом ее властвования. *В-четвертых*, все конструкции национальной русской идеи отличались догматизмом и, как правило, на гносеологическом уровне вступали в противоречие с развитием гуманитарных и естественных наук своего времени. И, *в-пятых*, все они служили прежде всего задачам легитимации господства конкретных лич-

¹⁰ Может быть, поэтому известный диссидент того времени П.Я. Чаадаев и считал, что для изменения русских порядков необходимо принятие нашей страной католицизма. Позже в том же русле рассуждал, правда, с иных – экуменических – позиций, великий отечественный философ В.С. Соловьев, который и был автором понятия *“русская идея”*. На рубеже XIX–XX вв. неудовлетворенность официальным православием пронизала все классы российского общества, что приводило к богоискательству и богостроительству и среди элиты, и среди народа. Это, в свою очередь, подрывало легитимность самодержавия.

¹¹ Противопоставление *“загнивающего Запада”* и *“России молодой”* также весьма характерно для стилистики всех трех рассматриваемых концепций русской идеи.

ностей в глазах мирового сообщества, а внутри страны с учетом вышеуказанных архетипических черт ставка, как правило, делалась на насилие, осуществляемое в той или иной форме.

Представляется, что трагедии, к которым приводили на практике все вышеуказанные концепции национальной русской идеи, не случайны и не были связаны только с неблагоприятными внешними обстоятельствами, а также с плохими царями или генеральными секретарями. Самый главный их изъян помимо вышеперечисленного заключается в том, что *эти концепции национальной русской идеи не выражали базовых ценностей русского народа – воли и правды*. А ведь без этого ценностного фундамента любая “национальная русская идея” становится фиговым листком, прикрывающим огромное корыстное “Эго” российской властвующей элиты. И если интеллектуальные изыски власти не создают на практике правовых условий для того, чтобы русский человек мог вести достойную жизнь по-русски, т.е. в соответствии с народными ценностями, или, иначе говоря, жить на воле и по правде, то рано или поздно, как показывает отечественная история, такая политическая система приходит к полному банкротству. Внешние причины (неурожай, неудачная война или низкие цены на нефть) выполняют при этом функцию контрольного выстрела.

Представляется, что в современной России национальная русская идея может быть только патриотической. Патриотизм в данном случае не означает слепой привязанности к особенностям русского быта или практикам российской власти. Теоретически эта концепция должна строиться на основе нормативного образа будущего России как страны, где созданы условия для реализации онтологических русских ценностей – воли и правды, или, говоря современным языком, как страны, где возможна достойная жизнь по-русски в виде непротиворечивого сочетания свободы и справедливости. Ведь даже само становление и развитие России как евразийской империи было непредвиденным следствием стремления русского народа реализовать свои онтологические ценности. Как справедливо отметил еще Н.А. Бердяев, практически мирное территориальное расширение нашего государства до середины XVIII в. происходило вследствие бегства русского населения от произвола помещиков и царских чиновников в центре на окраины и новые земли в поисках возможности жить на воле и по правде¹². Только

понимаемая таким образом национальная русская идея может стать идеологией национального возрождения нашей страны.

Основная проблема в этом случае состоит в том, что понятия “воля” и “правда” являются очень многозначными в русском языке. Так, в Словаре В.И. Даля воля определяется и как свобода, простор в поступках, как отсутствие принуждения; и как неподвластность; и как власть или сила, право, хотение¹³. Аналогично обстоит дело и с понятием “правда”. В.И. Даль приводит следующие определения: “Правда – это истина на деле, истина в образе, во благе; правосудие, справедливость; праведность, законность, безгрешие”¹⁴. В данном случае мы имеем дело с синкретическим единством объективных и субъективных характеристик общественного бытия человека. Таким образом, основная задача при выработке национальной русской идеи заключается в том, чтобы преодолеть амбивалентность обыденного понимания базовых ценностей русского народа и осуществить их рационализацию, которая будет определять практику государственного строительства. При этом необходимо делать акцент на достоинство российского гражданина и на любовь к стране, где возможно жить в соответствии с фундаментальными русскими ценностями.

Представляется, что наиболее адекватной парадигмой для рационализации онтологических русских ценностей является конституционализм, который дает эффективную методологию реализации человеческого достоинства. Дело в том, что человек эпохи модерна, а тем более постмодерна не мыслит себя состоявшейся личностью вне права, защищенного государством и признанным другими личностями – членами данного социума, на частную и публичную автономию. Немецкий философ И. Кант писал еще в 1788 г. в “Критике практического разума”: “Автономия есть основание достоинства человека и всякого разумного естества”¹⁵. Без признания этого принципа мы не можем говорить о человеке как о свободном и моральном существе, несущем полную ответственность за свой выбор. Или, говоря юридическим языком, деликтоспособность гражданина прямо зависит от его правоспособности и дееспособности. Этот неразрывный синтез закреплен в категории “правосубъектность”. Философ по этому поводу писал следующее: “Автономия воли есть единственный принцип всех законов и

¹³ См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 1. М., 1989. С. 238.

¹⁴ Там же. Т. 3. М., 1990. С. 378.

¹⁵ *Кант И.* Соч. В 6-ти т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 278.

¹² *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1990. С. 66.

соответствующих им обязанностей; всякая же гетерономия произвольного выбора не создает обязательности, а скорее, противостоит ее принципу и нравственности воли”¹⁶. На наш взгляд, такой категориальный аппарат позволяет преодолеть амбивалентность базовых русских ценностей и конкретизировать волю и правду.

Очевидно, что право на частную автономию предполагает наличие реальных возможностей для реализации личного жизненного проекта. А право на публичную автономию есть не что иное, как закрепленная законом возможность реально влиять на содержание нормативно-правовых актов, а также на формы политики по их претворению в жизнь, так как именно от этого и зависит реализация своей концепции благой жизни¹⁷. С этой точки зрения, воля может быть теоретически осмыслена как частная автономия, а публичная автономия позволяет добиваться справедливости, т.е. правды. Мировой опыт показывает, что наиболее целесообразное соединение в теории и на практике права на частную автономию с правом на публичную автономию достигается только в странах, где реализуются принципы конституционализма.

В широком смысле под конституционализмом понимается философско-правовая доктрина, а также реальная практика государственного строительства, которая считает возможным и необходимым строить на рациональной основе систему государственного управления, взаимоотношений между гражданином и властью, между гражданами, между суверенными государствами. Эта доктрина исходит из признания равного достоинства за каждым свободно определяющимся (суверенным) субъектом социума (индивид, группа граждан, нация) или международного сообщества (государство). Данное признание достоинства реализуется через предикацию естественных и неотчуждаемых (гарантия свободы разума и воли в рамках правил поведения данного общества) прав (свободы делать / не делать чего-либо) гражданина, объединений граждан, наций, государств при условии признания последним (последними) и честного следования всей совокупности рациональных правил общественной, государственной и межгосударственной жизни.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что конституция как политико-философский документ

высшей юридической силы без конституционализма как определенной формы общественного сознания (картины мира) превращается в фиговый листок правящего меньшинства, доминирующего над большинством. В этом случае властвующая элита через принятие конституции просто легитимирует свое господство перед мировым сообществом, подобно тому как на заре становления современных европейских государств каждый племенной вождь мечтал получить королевскую корону из рук Папы римского. Да, появлялись короли, но народы солидаризировались, конституируясь в нации не через регалии правящего меньшинства, а на основе чувства собственного достоинства. В современном мире наличие конституции есть также признак суверенности правителя и, следовательно, признания его другими правителями как легитимного и равного. Но наличие конституции не свидетельствует о суверенности народа, о признании достоинства каждого человека через реальное гарантирование прав и свобод. Это также не свидетельствует о наличии в этой стране конституционализма как картины мира.

В свое время конституционализм являлся теоретическим решением проблемы “естественного состояния” человечества, которое прагматик Т. Гоббс описывал как состояние “войны всех против всех”, а романтик Ж.-Ж. Руссо – как идиллию первобытных дикарей, которых испортили хитрецы, придумавшие собственность, что в конечном итоге все равно вело к войне. Но для обоих вариантов “естественного состояния” было характерно отсутствие рационально организованной жизни и вследствие этого полное отсутствие свободы, так как не было гарантий личной безопасности. Эта ситуация с необходимостью ведет к борьбе за утверждение своего достоинства и за свою безопасность.

Всякая борьба приводит к иерархии и порождает власть. Власть победителя беспощадна и неограниченна, что очень хорошо описал Г.В. Гегель в диалектике господина и раба¹⁸. Именно поэтому проблема свободы, понятой как пространство, образующееся в результате ограничения сферы дискреции власти, является одной из основных тем в конституционализме. Причем власть как определенный общественный институт в конституционализме трактуется широко: это и государственный аппарат, это и церковь, и произвол судьи, и господство над жизненными условиями человека через частную собствен-

¹⁶ Там же. С. 350.

¹⁷ Более подробно эта проблематика нами рассмотрена в: Кочетков В.В., Кочеткова Л.Н. Социальное государство как идеальный тип // Труд и социальные отношения. 2010. № 4. С. 106–115.

¹⁸ См.: Гегель Г.В. Феноменология духа. СПб., 1992. С. 99–106.

ность, это и доминирование одной-единственной идеологии. Очевидно, что в этой связи *свобода может описываться только как негация власти*, но не негация общества (социальных правил поведения), которое есть по сути дела предпосылка личности человека, предпосылка его свободы.

Для того чтобы достоинство человеческой личности, ее право на частную и публичную автономию стали реальностью, а не оставались только теоретически выраженными ценностями, в рамках парадигмы конституционализма были разработаны определенные принципы. Конечно, конституционализм как международное политико-правовое и культурное явление гораздо шире своей нормативной основы и конституционного права. Но у всех народов, избравших конституционализм в качестве доктрины государственного строительства, политические институты отвечают следующим требованиям:

обеспечения защиты основных прав человека и гражданина, особенно права частной собственности;

верховенства права и ограничения сферы дискреции государственной власти правосудием;

формального равенства всех перед законом;

разделения государственной власти;

осуществления законодательной власти органом народного представительства;

ответственности исполнительной власти перед высшим законодательным органом народного представительства.

Обобщая, можно сказать, что вышеперечисленные признаки составляют глубинную суть конституционализма, и, следовательно, говоря юридическим языком, *они должны определять дух конституции*.

Но все эти принципы не могут быть реализованы без одного существенного культурного условия. *Моральной предпосылкой любого конституционного (демократического) государства являются требования справедливости и честности*. Иначе говоря, конституционализм невозможен без готовности всех граждан, и прежде всего элиты, к игре по определенным правилам, в том числе и к принятию собственного проигрыша. Именно поэтому необходимо, чтобы конституционализм стал своеобразной картиной мира для данного социума.

Представляется, что *в современной России есть Конституция, но не распространен конституционализм как определенная картина мира*. Говоря о современном российском консти-

туционализме, нельзя не заметить, что он носит, по меткому замечанию акад. О.Е. Кутафина, “характер *мнимого конституционализма*, поскольку отличается неустойчивостью, возможностью обращения вспять, очевидной вероятностью перехода конституционных по происхождению и политической терминологии феноменов в свою противоположность – авторитаризм”¹⁹.

Другой особенностью российского конституционализма, по мнению этого известного ученого, является его связь с решением задач модернизации и европеизации страны. При этом необходимо понимать, что даже в новейшее время отсутствует широкая социальная основа этого процесса. Так сложилось, что в России социальным носителем конституционной идеологии постоянно являются представители правящих классов – различных элитных групп, по тем или иным причинам выступающих за конституционные ограничения власти и, как правило, забывающих о своих конституционных идеалах сразу после получения власти.

К сожалению, все ошибки российской власти царского и коммунистического прошлого повторяются и “демократическими” правителями современной России. Так, например, Б.Н. Ельцин, имея от народа мандат на радикальные реформы, не захотел обновить властвующую элиту страны. В результате партноменклатура и силовики всех мастей к своей политической власти добавили и “приватизированную” общенародную собственность, что, естественно, сделало простых российских граждан полностью бесправными в своей стране. Сам же Б.Н. Ельцин стал “добрым царем”, (что было закреплено в виде широких полномочий российского президента в тексте Конституции 1993 г.), которого интересовало только благополучие своей семьи и личная власть, а также признание в мире как первого “демократического правителя” России²⁰. При этом самочувствие русского народа его совершенно не интересовало. Именно при Ельцине сформировался образ современной российской власти: сильная личная власть президента и слабое коррумпированное государство.

В дальнейшем ситуация не только не изменилась, но даже ухудшилась. Преемнику Ельцина удалось остановить гражданскую войну в Чечне,

¹⁹ Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М., 2008. С. 7. По нашему мнению, данное замечание относится ко всем российским конституциям, начиная с 1906 г.

²⁰ Поэтому, например, Татарстану за соблюдение лояльности и признание его “добрым царем” Ельцин предоставил практически неограниченный суверенитет, а в Чечне за аналогичные требования, но сопровождавшиеся личным непослушанием Дудаева, развязал гражданскую войну.

были существенно ограничены полномочия регионов, но достигнуто это за счет огромных человеческих потерь (согласно данным последней переписи, русское население России за последнее десятилетие сократилось на десять миллионов человек), а также за счет чудовищного распространения коррупции, что приводит к ослаблению государства, как такового. Ведь сила государства в современном мире не измеряется ни размером накопленных денег в Стабфонде, ни объемом власти президента или коррумпированных чиновников. *Сила Государства Российского прямо пропорциональна его способности обеспечить возможности для всех своих граждан жить в свободе и по справедливости, а также эффективно содействовать защите этих ценностей на международной арене.*

В идеологическом плане это усиление личной власти президента и коррумпированного чиновничества было оформлено в виде концепции “суверенной демократии вертикали власти”. Но какая польза от этого русскому народу, который, тоскуя по воле и правде, просто вымирает в собственной стране? Или от того, что несмотря на мировой кризис у нас растет количество миллиардеров? Сейчас наша элита выступает с идеей распространения суверенной демократии вертикали власти на всё евразийское пространство. Приведет ли это к улучшению жизни российских граждан? Нет, не приведет. Понравится ли русскому народу такое нарочитое игнорирование его интересов и ценностей? Все понимают – нет. Может быть, именно поэтому российская власть поощряет легальную и нелегальную иммиграцию, чтобы импортировать себе послушный новый народ из среднеазиатских республик.

Таким образом, хотя для конституционализма как своеобразной политико-юридической доктрины присуще рациональное волеизъявление в государственном строительстве на основе определенных принципов, для российского политического процесса характерно превращение конституционных ценностей в средство реализации интересов и целей элиты. В результате *конституционализм из средства самоограничения власти трансформировался у нас в способ “цивилизованной” легитимации власти, закрепления её независимости от общества.*

Представляется, что вся теоретическая возня вокруг русской национальной идеи, которая не предполагает рационализацию базовых русских ценностей, под видом обсуждения концепций “суверенной демократии”, или “великой энергетической державы”, или “модернизации” затевается только с одной целью – обосновать и тем самым законсервировать “мнимый конституционализм”. Очевидно, что последствия этой нечестной игры современной российской элиты будут аналогичны тому, что уже не раз случалось в нашей истории при реализации других аналогичных национальных идей. Таким образом, во избежание исторических трагедий и фарсов *новая русская национальная идея должна рационализировать онтологические ценности нашего народа на теоретической платформе конституционализма, что позволит утвердить подлинное достоинство каждого гражданина и всего народа в целом.* Только в этом случае вековая мечта русского народа о воле и правде будет реализована в виде права на частную и публичную автономию для каждого не в ущерб другим, а не в виде “беспощадного русского бунта”.